

г. Иваново

1984, 24 лист.

34 г., № 119 (18817)

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

Жаль, что не принят в критике такой жанр: объяснение в любви! У каждого из нас, даже профессионально пишущих об искусстве, привыкших анализировать и оценивать, есть самые любимые артисты (пусть их и совсем немного), которыми преданно восхищаешься всю жизнь. В песне для меня это — Эдита Пьеха.

Много ли имен в истории — былой и нынешней — нашей песенной эстрады, одно упоминание о которых вызывает в памяти целый образ и уже не требует пояснений? Утесов, Шульженко, Бернес, Гурченко... Ну, и еще совсем немного. Пьеха — из этого ряда. И образ ее — удивительно обаятельный, изысканный, нежный и драматичный.

Вот выходит она на сцену — стремительная, непобедимо молодая и женственная — и поет знакомые песни. И даже пустяковая, в общем, история о том, что «в нашем доме поселился замечательный сосед», наполняет душу странным умилением. И «это здорово, это очень, очень хорошо!». Впрочем, старые песни Пьехи — не только дань «ретро-настроениям» нашим. Задорный призыв «Все, все, взрослые и дети, взяться за руки должны» звучит и современно, и своевременно.

Порой напоминаю себе: больше четверти века живет Эдита Пьеха в нашей песне и в наших душах. Но вопрос, в чем причина такого творческого долголетия, не возникает. Ибо ответ заранее известен: сегодняшняя, нынешняя актриса (так было и год, и десять лет назад) нам не менее интересна, чем вчерашняя. Интересна как личность, которая давно, раз и навсегда, решилась говорить с нами, зрителями, «от первого лица».

Общение с певицей, размышляющей, мягко иронизирующей, рассказывающей о встречах и песнях, не менее нужно и важно, чем сами песни. Сколько потерял бы, например, прекрасный «Старый рояль» без предыстории этой песни, без

рассказа о блокаде и искалеченному войной музыканте. Да, у Пьехи складывается — она сама об этом говорит — цикл «непридуманных песен», и, если он появится, это действительно будет явлением удивительным и незаурядным.

Да простят меня композиторы и поэты, произведения которых звучали со сцены, за то, что не называю сегодня их имен: Пьеха «присвоила» эти песни по праву актрисы, говорящей от себя, от первого лица, от своего человеческого и художнического «я». Да простят меня прекрасные музыканты из прекрасного ансамбля, выступающего с певицей, — все же не к ним, а к Эдите Пьехе обращено мое признание в давней зрительской любви.

И все же — делает ли любовь (зрительская!) слепым? Заставляет ли не видеть досадного, случайного, лишнего? Если бы так было, как легко жилось бы артистам! А то даже затуманенным от восторга глазами вдруг замечаешь, что отнюдь не все песни в программе по уровню достойны Пьехи, что точная, органичная манера оборачивается (на секунды!) манерностью, и это — досадно.

Но что уж вершит актриса безупречно — так это поет! Особенно когда с негромким, «малым» составом ансамбля, когда каждое слово, каждый нюанс богатейшего ее голоса «работают» на образ. Впрочем, это субъективно, это мне такая Пьеха больше нравится, чем бравурная, победительная.

Нет, неправда... А «Парижское танго», после которого ладони от аплодисментов болели?

Во вступительном музыкальном монологе, с которого Эдита Пьеха начала свое выступление, есть такие слова: «И песня дарит миг, благословенный миг, священный миг взаимопонимания». И там же: «Песня стала судьбою, разве этого мало, чтоб довериться ей!». Она, как никто, имеет право на такие слова.

Я. БРУШТЕИН,
кандидат
искусствоведения.

